

Плей-лист

Ghostly Kisses – Where Do Lovers Go

Novo Amor – State Lines

Lewis Capaldi – Mersy

Adele – Easy On Me

Novo Amor – Anchor

Adele – I Found A Boy

Andrew Belle – When The End Comes

Nilu – Are You With Me

Nemahsis – What If I Took It Off For You

Bruno Mars – Talking To The Moon

*Посвящается тому,
кто научил меня улыбаться*

- 1 -

Алиса

— **В**ы беременны, — говорит пожилой доктор.
И мой мир рушится.

— Точно? — спрашиваю я, ощущая, как дыхание застрекает в горле.

— Подтвердим, когда придут результаты анализов. — Врач берет паузу и смеряет меня настороженным взглядом. Видимо, пытается понять, обрадовала меня эта новость или нет. — Но уже по данным осмотра и состоянию матки можно заключить, что вы на пятой-шестой неделе беременности. — Он вежливо улыбается. — Поздравляю.

Снимает перчатки и удаляется к раковине вымыть руки. Затем садится за стол, поправляет очки и склоняется над бумагами, чтобы еще раз пересмотреть данные моего опроса.

— Можете одеваться, — доносится до меня его голос.

— А... ага... — бормочу я, опуская вниз ноги и неловко скатываясь с кресла.

Натягиваю белье, чулки, юбку и вдруг застываю, глядя в окно. Вслед за теплыми осенними лучами, скользнувшими по моему лицу, на моих губах расцветает улыбка.

«У меня будет малыш».

«Так неожиданно и так... чудесно!»

Даже увидев заветные две полоски на тесте, я до конца не понимала, что происходит. Тогда я ощущала лишь страх, панику и растерянность, а теперь... Теперь у меня в груди словно распускается дивный цветок — так тепло и радостно в душе, что хочется смеяться и петь.

А еще хочется поделиться этой радостью со всем миром. Но для начала — нужно сообщить Никите.

Обрадуется ли он?

На секунду я пугаюсь, но тут же отметаю от себя нехорошие мысли. Конечно, обрадуется! Мы уже год вместе. Я живу в его квартире, мы проводим все свободное время вместе, мы понимаем друг друга с полуслова. И если бы не особенности его работы, то давно заявили бы во всеуслышание о нашей любви.

— Алиса Александровна?

— Да? — Я поднимаю взгляд на врача.

Мужчина окидывает меня внимательным взглядом из-под толстых линз очков. Кажется, то, что он видит на моем лице, заставляет его успокоиться. Теперь его губ касается легкая улыбка.

— Присядьте, пожалуйста, выпишу вам направления и рецепты.

— Конечно, — киваю я.

И пока делаю несколько неуверенных шагов до его стола, несмело касаюсь ладонью своего плоского живота. Я еще ничего не чувствую, но уже люблю этого маленького человечка. Эти чувства еще такие воздушные, неясные — ведь как можно любить того, кого ты еще никогда не видел? Но я определенно это ощущаю.

— А УЗИ, доктор? — Он поворачивается ко мне, и я смущенно поднимаю руку и чешу за ухом. — Наверное, нужно сделать его, чтобы убедиться, что... он в порядке?

-Доктор Красавчик -

У меня нет опыта в таких делах, а почитать в Интернете я еще не успела, потому и стараюсь задать сразу все интересующие вопросы.

— Для первого скрининга еще рановато, — понимающе улыбается он. — Раннюю диагностику мы проводим по показаниям. Или вас что-то беспокоит?

— Нет, — радостно мотаю головой я.

У меня крылья за спиной растут — вот единственное, о чем мне приходится беспокоиться сейчас.

-2-

Алиса

После приема я выхожу из женской консультации и чуть ли не вприпрыжку иду к стоянке. Сажусь в свой старый «Шевроле» (который так ненавидит Никита, называя дешманским), открываю окна и завожу мотор.

Прежде чем тронуть автомобиль с места, я все-таки достаю телефон и набираю номер любимого мужчины. «Нет, не буду говорить о таком по телефону. Просто намекну, что, когда он через два дня вернется со съемок, его будут ждать романтический ужин и... кое-какой сюрприз».

У меня живот сводит от волнения и нетерпения, но ожидание его ответа привычно выливается в минуты.

Я набираю снова и снова, Никита так и не отвечает. Что ж, это вполне нормально: в таком плотном графике съемок у него часто нет времени, чтобы поесть, куда уж тут до болтовни по телефону.

— Перезвони, как освободишься, — наговариваю я на автоответчик. — Люблю!

- Лена Сокол -

А затем, вздохнув, выезжаю со стоянки и выруливаю машину на оживленное шоссе. Набираю номер подруги и вставляю в ухо гарнитуру.

— Але, Катюш! — восклицаю я, едва на том конце слышится ее голос. — Ты сейчас упадешь! У меня та-а-акие новости!

— Алиса, подожди, — говорит она.

Этот унылый тон сбивает все желание делиться радостью.

— Ка-а-ать! — протестую я.

Нет, никто и ничто не испортит мне этот чудесный день.

— Алиса, тебе нужно срочно быть в офисе.

— Да знаю я! Я не опоздала, я это... отпросилась сегодня, — объясняю я этой ворчунье. — Успеваю же к летучке, ну? Ты чего такая хмурая, не с той ноги встала? Я к тебе со всей душой, а ты!

— Да помолчи ты, Кукушкина! — строго бросает подруга, а затем понижает голос до шепота: — Тебе нужно срочно быть в редакции, поняла? Дело касается твоего Никиты!

— Что? В смысле?

— Просто приезжай.

Я выворачиваю руль и ударяю по газам.

Когда врываюсь в редакцию журнала, все сотрудники уже рассаживаются за широким столом в конференц-зале. Сквозь прозрачное стекло я замечаю, что Барракуды еще нет, поэтому на ходу сдираю с себя плащ, швыряю на кресло, хватаю со стола планшет и, рискуя сломать каблучки, несусь к остальным.

К тому моменту, когда шеф-редакторша оглашает тишину пустого коридора цокотом своих каблучков, заставив сотрудников замереть от благоговения

-Доктор Красавчик -

и страха, я уже сижу на своем месте в конференц-зале и торопливо приглаживаю волосы.

А когда она входит в помещение, никто уже, кажется, и не дышит, чтобы не вызывать ее раздражения. Все мы знаем, что один недовольный взгляд Барракуды способен лишить рассудка, а один ее окрик в два счета доводит до сердечного приступа даже самых натренированных и стойких.

— Доброе утро, коллеги! — Стуча каблукками новеньких бежевых Jimmy Choo, она добирается до кожного кресла во главе стола.

Мужчины затравленно смотрят ей вслед, а женщины взволнованно опускают взгляды. Я часто-часто моргаю, отгоняя от себя видения о том, как ее острые шпильки вонзаются в мое горло за не вовремя сданный материал.

— Опять не в духе, — шепчет Катька, незаметно смахивая капельку пота со лба.

Мы все напряжены и ждем грома и молний.

Но нет — сегодня Барракуда на удивление в хорошем настроении. Она начинает летучку не с криков и даже не с брезгливых принюхиваний к поданному ей кофе: шефиня бросает на стол свернутый рулон. Тот ударяется о поверхность стола, резко раскрывается, и мы все видим, что это утренний выпуск газеты.

— Кукушкина! — громыхает ее голос.

И я едва не вздрагиваю.

— Да?

— Бери газету. Что ты там видишь?

Я протягиваю руку и под взглядами изумленных коллег подтягиваю к себе выпуск какого-то издания.

— Желтая газетенка...

— Справа внизу, — указывает она ноготком с идеальным маникюром.

Я опускаю взгляд ниже и застываю. Что-то в сером размытом снимке заставляет мои внутренности неприятно съежиться. Под фото, на котором мужчина нежно обнимает женщину за талию и притягивает к себе, подписано: «Поддающий надежды актер Никита Дубровский на тайном свидании с молодой талантливой певицей Нелли».

-3-

Алиса

— Ох... — вырывается из моей груди.

— Вот именно! — ударяет ладонью по столу Барракуда. Капельки кофе из ее чашки пляшут по полированной поверхности столешницы. — Это же почти поцелуй! А вы знаете, *что* это значит?

Все молчат. Никто не смеет ответить «нет».

— Это значит, что впереди нас ждет красивая, романтическая история любви! — Она восторженно закатывает глаза.

А я ощущаю, что меня подташнивает.

Мое сознание отказывается верить в то, что видят глаза. Это же мой ненаглядный Никитушка с какой-то чужой девушкой. И он *так* на нее смотрит... Может, это кадр из какого-то фильма, в котором он снялся?

— Конечно, наше издание не того уровня, чтобы печатать подобные снимки и сплетни, — взмахивает рукой Барракуда, нагнетая атмосферу. — Но у Дубровского и этой Нелли огромная армия поклонников, так?

— Так, так, — шепчут присутствующие.

— А значит, нам нужно в кратчайшие сроки получить эксклюзивный материал! Кукушкина!

-Доктор Красавчик -

— А? Что? — Я с трудом отрываюсь от изучения снимка.

— Ты не в деревне, Кукушкина! Какие «а, что?»?! — раздраженно бросает шефиня. — Ты работаешь в уважаемом издании!

— Да, конечно, — устало киваю я.

Этой стерве в кожаном жилете меня не запугать и не унизить.

— Помнится, во время прошлогоднего интервью ты наладила контакт с Дубровским, да? — Она делает несколько шагов и останавливается у меня за спиной. — Материал получился искренним, ярким...

— Да, — подтверждаю я.

Тогда у нас с Никитой все и закрутилось. Только об этом никто не знает.

— Вот и отлично. Свяжешься с ним, предложишь встретиться. Выведаешь мягко все про этот роман, попросишь новое интервью с ними обоими. — Барракуда наклоняется и смахивает пылинку с газеты. Мечтательно проводит взглядом по фото. — Это будет эксклюзив. Мы первыми расскажем миру об этом грандиозном романе. Все будут стоять на ушах! Шоу-бизнес, конкуренты, поклонники — все!

— Аллочка, это гениально! — соскочив с места, аплодирует Владик — главный жополиз этого офиса.

— Знаю, — коротко отмахивается она.

От гордости ее соболиная бровь вздымается чуть ли не к линии роста волос.

— Но. Алла Денисовна... — дрожащим голосом пытаюсь возразить я.

Вижу, как Катюха бросает на ЖопоВладика ненавидящий взгляд.

— Материал мне нужен срочно, и у тебя максимум неделя, Кукушкина! — отмечает любые возражения

Барракуда Денисовна. — А лучше справишься дня за три-четыре, поняла?

— Да... — отзываюсь я.

И что теперь мне делать, ума не приложу.

-4-

Алиса

— Не берет? — Катя наклоняется к моему столу.

Редакция наполнена голосами, шумом телефонных звонков, суетой, запахами парфюма, кофе и корицы.

— Не берет, — констатирую я.

— Потому что он — козел. Я это тебе всегда говорила, — разводит руками подруга.

— Не начинай, — стону я.

Откладываю в сторону телефон и подпираю голову рукой. Если бы не злосчастные тени для век, которые я так старательно наносила утром, то с удовольствием помассировала бы сейчас глаза.

— Проблемы, девочки? — врывается в повисшую между нами неловкость зануда Владик с зализанными на макушке волосами.

— Иди отсюда! — не выдерживаю я, грубо отмахиваясь от него.

Мне сейчас не до вежливых формулировок. К тому же от этого подлизы ужасно несет приторными духами — не лучший запах для того, кто только готовится познакомиться со всеми прелестями токсикоза.

— Что, простите? — встает в позу автор рубрики «Твоя карьера». (Кому, как не ему, знать все и в мельчайших подробностях о взаимодействии в коллективе и всех возможных способах пробиться к солнцу нежного начальства? Вот такая вот забавная жизненная иро-

-Доктор Красавчик -

ния.) Мужчина обиженно складывает руки на груди. — Кукушкина, где твои манеры?

— Владик, мы обсуждаем кое-какие дела, — мягко вступается за меня Катюшка, оттесняя его в сторону. — Ты иди, иди, ладно? Позже вместе кофейку попьем, поболтаем...

— Я могу помочь, если что нужно, — сопротивляется коллега.

Знаем мы его помощь! Скажи что-нибудь о своих промахах или о личности Барракуды, как он доложит ей быстрее, чем ты успеешь моргнуть!

— Это... — Катя задумчиво хлопает его по плечу. — Это между нами девочками, Владюш. Понимаешь?

— Но я...

— Ты же не хочешь стоять тут с нами и болтать об Алискиных болезненных месячных, да? — картинно хмурится подруга. — Не хочешь?

Владик бледнеет, краснеет, морщится.

— Нет. Конечно же, н-нет. Я... пойду. — Он бросает на меня брезгливо-сочувственный взгляд и ретируется в дальний угол офиса, к своему столу (играющему также роль наблюдательного поста).

Иногда мы шутим, что он там крестиками в журнале отмечает, кто и сколько раз отвлекся от дел во время рабочего дня.

— Дятел, — шепчет Катюха, не отрывая взгляда от его костлявого вихляющего зада, обтянутого узкими малиновыми джинсами.

Владик садится в кресло и с подозрением обводит глазами редакцию.

Я вздыхаю.

— Ну так что? — Подруга садится на край моего стола.

Ее глаза забираются буквально мне в душу.

— Что? — Я уныло опускаю плечи.

Сдаваться не в моих правилах, но, видимо, беременные чувствуют все острее. И это фото в газете подкосило меня.

— Что с твоим Никитой? Дашь ему от ворот поворот? Или, может, хотя бы пенделя дашь? О-ох, как бы я зарядила по его бесстыжим яйцам, ох, как зарядила бы! — Катя мечтательно закатывает глаза.

— Нет. — Я решительно мотаю головой. — Уверена, что этому снимку найдется достойное объяснение.

— Вот как... — Она меняется в лице.

Мне становится неудобно. Есть у Катюхи одна сверхспособность: она умеет чувствовать все, что старательно прячешь между строк или под уверенной улыбкой. И как ни пытайся, ее не обманешь.

— Я не оправдываю Никиту. Честно, — говорю я, аккуратно подбирая слова. — Мне и самой надоело прятаться, но... ты же понимаешь — таковы законы шоу-бизнеса. У него огромная фанатская база, и в основном это молодые девчонки. Они должны видеть, что сердце их кумира свободно. Надежда на возможные отношения с ним — это... это и продажи билетов в кино, и абонементов в онлайн-кинотеатры, и прочее-прочее. Ты же понимаешь, что этим занимается целая команда специалистов, Кать?

— Понимаю, — кивает Катюха.

А вот ее лицо не собирается мне подыгрывать.

Подруге явно осточертело, что я каждый раз оправдываю Никиту.

Мне и самой это порядком надоело, но ведь теперь все изменится, так? Беременность — это же как сигнал, да? Сигнал о том, что пора все менять. Пора выходить на следующий уровень отношений — теперь мы с Никитой семья. И пусть для карьеры это не в плюс, зато для будущего малыша...

-Доктор Красавчик -

Мои мечты разбиваются о недовольный Катин взгляд.

— Ну, так и? Ты позволишь ему целовать кого ни попадя, пока тебя нет рядом? Да? И только потому, что он хренов звездун?

Мы смотрим друг на дружку осуждающе. Мне очень хочется злиться на нее, но я не могу. Знаю, что подруга искренне переживает за меня.

— Нет, не позволю, — уступаю я.

— Тогда напиши ему, потребуй объяснений! Скажи, что вы расстаетесь. Напугай его, в конце-то концов!

— Не могу, — печально говорю я и подманиваю ее пальчиком. Катя наклоняется ко мне, и я шепчу: — Я беременна, Кать. У нас с Никитой будет малыш.

— Ох! — громко выдает главная по рубрике «Твоя жизнь», затем закрывает рот рукой и впивается в мое лицо ошалелым взглядом.

— Ага, — киваю я, не зная, то ли радоваться мне теперь, то ли горевать.

— Лучше б ты реально сказала мне сейчас о своих болезненных месячных! — качает головой Катя.

— Я бы с радостью, — пожимаю плечами. — Но месячные еще пару недель назад сказали мне «гуд бай».

-5-

Алиса

Минуту, когда поняла, что беременна, я помню как сейчас. Это было еще до теста, спешно купленного в аптеке, и до посещения врача.

Я вдруг осознала, что что-то произошло. Что-то неуловимо поменялось в моей жизни. Звуки, запахи, ощущения, мир вокруг — все было прежним, но ста-

ло каким-то другим. Или изменилось мое восприятие. С утра меня могло все раздражать, а к вечеру беспричинно накатывала радость. Словно кто-то другой управлял теперь моими эмоциями, делая меня неуклюжей и совершенно беспомощной.

В то утро все валилось из рук.

Никак не получалось сосредоточиться на статье, собрать заметки, аудиозаписи, оцифровать их, обработать. Я просто не могла сфокусировать внимание ни на одном из дел. Кофе показался горьким, авокадо на бутерброде почему-то воняло рыбой, а вместо сухой грудки на обед вдруг жутко захотелось вредного мясного бургера, сочащегося майонезным соусом.

С трудом закончив оформление текста во что-то похожее на готовый к сдаче материал, я отправилась домой. В квартире было пусто: Никита уехал на съемки, и там меня не ждало ничего, кроме одиночества, тишины и куска засохшей пиццы. Но даже при мысли о нем у меня активно потекли слюнки.

«Нужно записаться в спортзал, — подумала я, спускаясь по лестнице. — С таким аппетитом неизвестно, что будет со мной дальше. Вот уже и лифчик жмет — ничего себе, разъелась!»

Ощущение счастья, полноценности жизни, нужности кому-то — все это только способствовало набору лишнего веса в последнее время. И пусть я никогда не была моделью, но со мной рядом был красивейший из мужчин страны, поэтому и выглядеть мне хотелось достойно.

Представляю, что напишут таблоиды, когда узнают о нашем романе: «Простушка! Замухрышка! Какая-то журналистка, она ему не ровня!» А уж если я наемщица, как те, что были у меня в девятом классе...

— Ой! — Не дойдя до машины метров двадцать, я остановилась.

-Доктор Красавчик -

Странное ощущение, не дававшее мне покоя все последние дни, вдруг резко усилилось и зазвучало почти сигнальной сиреной.

— Ой... — Я сделала еще пару шагов и снова остановилась.

Теперь я отчетливо чувствовала, как налившаяся грудь ноет буквально при каждом шаге. Странно. Она явно стала больше, с трудом умещается в бюстгальтер — похожие ощущения, как при месяч...

«О боже, нет!»

Лихорадочно перебрав в памяти все числа и даты, я достала телефон. Открыла машину, плюхнулась на сиденье и уставилась на экран смартфона. Заметки в приложении подсказывали мне, что «веселые деньки» ожидают меня через... через... Две недели назад!

Вот. Это. Новости.

В ту секунду я еще не понимала, что чувствую. Все смешалось. С одной стороны — у меня самый пик карьеры, больше всего возможностей стать успешной в выбранной профессии, доказать всему миру, что я чего-то могу. Двадцать восемь лет: жизнь только начинается!

С другой стороны — у меня впервые нормальные серьезные отношения с кем-то. Да не просто с кем-то — с красивым, умным, достойным мужчиной, которого я люблю. Никита — мечта каждой женщины. Мне очень повезло с ним. Сделать паузу в карьере и родить ему ребенка — это ли не счастье?

Но... будет ли он рад?

Это было второй важной мыслью.

Я вспомнила, как порвался презерватив. «Ничего страшного», — сказал тогда Дубровский. Что это означало? Он не хотел, чтобы я волновалась? Намекал, что, даже если я забеременею, он только обрадуется? Ведь так?

Ох, любим мы, женщины, додумывать, сочинять что-то и надеяться, что все выдуманное нами непременно воплотится в реальность! Нам так хочется быть счастливыми, что мы сами рады обманываться. Верим всему, что говорят. А о чем молчат – принимаем за многозначительные обещания.

Так что же Никита имел в виду?

Я влетела в аптеку, едва не поскользнувшись на высоких шпильках и с трудом удержав равновесие у прилавка. Запыхавшись, попросила тест. Фармацевт посмотрела на меня понимающе: наверное, так и выглядят несчастные, кому не терпится погадать на палочке с полосками – беременна, не беременна, крестик или нолик, пан или пропал, карьера или подгузники с сомнительным содержимым.

Уже через двадцать минут я и сама знала ответ на свой вопрос.

Руки дрожали, в ушах шумело, а сознание уносилось куда-то в космос. «У меня будет ребенок. Ребенок». Я не могла поверить. «У нас будет малыш!»

Тогда жутко захотелось позвонить и сообщить новость Никите, но я решила повременить, чтобы узнать все точно. Записалась на прием к врачу и до утра ворочалась в холодной постели, представляя, как круто изменится моя жизнь.

Странно, но мыслей о том, чтобы не рожать, у меня даже не было. Как вообще такое возможно? Избавиться от плода любви? От частички любимого мужчины? От совместного будущего? От материнства? Нет, это было невозможно и никак не укладывалось в голове.

Я потеряла мать, когда мне было всего двенадцать, и теперь воспоминание о том дне стало самым страшным в моей жизни. Она ушла в мой день рождения, умерла буквально на моих руках. С тех пор я ни разу не справляла этот праздник, запрещала поздравлять себя

-Доктор Красавчик -

в этот день и ощущала гнетущее, раздирающее душу одиночество.

Следующий день рождения в октябре должен был стать первым, который я собиралась по-настоящему отметить в кругу близких, — и все потому, что я больше не была одна, со мной был мой Никита. А скоро... скоро нас будет уже трое.

Положив руку на живот, я ничего не почувствовала, но тут же стало спокойнее, и я смогла уснуть. Снова приснился момент нашей первой встречи с Никитой.

Я уже два года работаю в журнале, но все еще считаюсь новенькой. Мне не доверяют серьезные статьи и интервью с крупными звездами, но мы теперь очень дружны с моей коллегой Катей, и она меня опекает: помогает, наставляет, подсказывает почти на каждом шагу.

В тот день со скандалом уволилась ответственная за рубрику «Интервью» Варвара, и Барракуда поручила мне связаться с агентом начинающего актера Дубровского и договориться о встрече.

Если бы я хоть что-то знала о Никите, то меня трясло бы от волнения, но сериалы я смотрела разве что от «Нетфликс», а фамилия Дубровский была мне знакома только по школьной программе седьмого класса.

— Можете подъехать сейчас? — торопливо спрашивает агент.

— Конечно! — не задумываясь, отвечаю я.

— Тогда жду.

Он называет адрес, я прыгаю в такси и по дороге изучаю биографию актера в Интернете. Холост, успешен, хороший достаток. «О чем же я буду его спрашивать?» — крутится в голове. Наверняка этот сериальный актеришка недалекого ума. И даже десятки его снимков, размещенных в Сети, ничем не впечатляют меня.

Но стоило мне увидеть его живую, как земля под ногами пошатнулась.

- Лена Сокол -

Меня проводят в его гримерку.

— Привет. Подождешь минуту? — вместо приветствия бросает он мне, точно старой приятельнице.

— Конечно, — выдавливаю я, из-под опущенных ресниц наблюдая за тем, как он скидывает с себя гусарское обмундирование и ловким движением сдирает со щеки бакенбарды. — Конечно...

Там есть чем залюбоваться. Литые мышцы, плоский живот, изящная пластика движений. Никита молод, крепок и очень хорош собой. Его светлые волосы прекрасно оттеняют прохладную синеву глаз, а улыбка магическим образом лишает дара речи. Этот мужчина уверен в себе и точно знает, какое впечатление производит на женщин.

— Пожалуй, я готов. — Поправив воротник рубашки, очаровательно улыбается он.

— Где вам будет удобнее пообщаться? — невольно краснею я.

— Как тебя зовут? — Мужчина приподнимает бровь.

— Алиса.

— Никита. — Он пожимает мою руку, но не спешит ее отпускать. Продолжает смотреть мне прямо в глаза и улыбаться.

— Что скажешь, если мы сбежим отсюда, Алиса?

— Куда, например? — растерянно бормочу я.

— Да хоть в страну чудес, — смеется Никита.

-6-

Алиса

— Ты чего зависла? — хмурится Катька.

— Я? — Пытаюсь сфокусировать на ней свой взгляд.

— Ты-ты. Что, говорю, делать теперь собираешь-

-Доктор Красавчик -

ся? — Она опирается локтями на мой стол и шепчет: — Неужели оставишь ребенка?

— Что? — Я едва не подскакиваю. — А как, по-твоему, я должна поступить? Уби-и-ить его?

— Ну... — Подруга пожимает плечами. — Плод пока размером с горошину. Аборт — это, конечно, ужасно, но как рожать от того, кто тебе не верен?

— Катя! — задыхаюсь от возмущения я.

— А как же твоя карьера? Кто будет тебя содержать, если этот тип на тебе не женится? — Морозова разводит руками.

Для нее ситуация ясна как день.

— Мы об этом не говорили. — Я обвожу взглядом офис. Наш эмоциональный разговор заинтересовал не только Владика: половина сотрудников журнала уже искоса следят за происходящим. — Свадьба — это не главное, — оправдываюсь я. — Главное, что мы любим друг друга.

— В таком случае снимок в желтой газетенке подделка? — не сдается подруга.

— Я думаю, этому найдется объяснение, — говорю я, сама до конца не веря.

— О, да, — закатывает глаза она. — Ровно так же, как и тому, почему никто не должен знать о вашем романе, да? И о том, почему его рука лежит на талии этой Нелли? И о том, почему он пожирает ее глазами? У Дубровского на все всегда находится объяснение!

Последние слова сказаны так громко, что несколько коллег оборачиваются и смотрят на нас.

— Алиса готовится к интервью, — отмахивается от них Катя.

Я встаю, взбешенная ее поведением, хватаю сумочку и бросаюсь к выходу. Плевать на Барракуду, на ее задание, на грубиянку Катю, мне сейчас срочно нужно привести свои нервы в порядок!

— Алис, да подожди ты! — догоняет меня подруга уже возле лифтов.

— Что? — Разворачиваюсь к ней, нацепив на лицо маску равнодушия. — Хочешь сказать мне еще что-то обидное?

— Да я не... — мнетса она.

— Неужели ты не видишь, что я и так расстроена из-за этого снимка в газете? Зачем меня добивать?

Катя кладет мне руки на плечи и заглядывает в глаза.

— Прости, Алис. — Она вдыхает и выдыхает. — Я... я хотела тебя поддержать, правда. Просто обидно стало. Я же тебя люблю, и ты достойна большего, чем все эти тайные отношения, а тут еще этот снимок. Ты же знаешь, я этому твоему Дубровскому никогда не доверяю! Кому, как не нам, знать, какое самомнение у этих звезд. — Катя притягивает меня к себе, крепко обнимает, затем отпускает и снова смотрит в лицо. — Я просто хочу, чтобы ты была счастлива. Расскажи ему, поставь ультиматум: если он тебя любит, то не должен больше скрывать ваших отношений!

— А я и не стремлюсь афишировать наши отношения, — спокойно отвечаю я. — Если для его карьеры важно держать все в тайне, пусть будет так. Тем более что Барракуда тоже будет в бешенстве, если узнает о нашей связи.

Катя вздыхает.

— Тогда хотя бы пусть объяснит, что у него с этой Нелли.

— Я ему позвоню, — обещаю я.

— Позвони лучше сразу его агенту. Или продюсеру. Или кому-то из приближенных. — Подруга берет меня за руку. — Позвони, пусть проведет тебя к нему на съемки. — Она сжимает мою ладонь в своей. — Тем

-Доктор Красавчик -

более повод есть: ты должна взять у него новое интервью.

Эта подсказка оказывается как нельзя кстати.

— Хорошо.

Через пять с половиной часов я уже в другом городе: вышагиваю по широкому павильону, заставленному декорациями. Девушка-ассистент, встретившая у входа, проводит меня через дебри коммуналок, общежитий, роскошных залов — декорации сменяют одна другую, затем мы останавливаемся у одной из гримерок.

— Там, — указывает она, и ее взгляд падает на часы. — У него еще минут десять, потом — в кадр.

— Спасибо, — киваю я и направляюсь к нужной двери.

— Да не за что, — отвечает девица.

Я стучу в дверь, на которой криво приклеена бумажка с фамилией «Дубровский».

Он отзывается не сразу.

— Войдите, — слышится после паузы.

— Никита, это я, — говорю, протискиваясь в узкое помещение, заставленное мебелью, зеркалами и реквизитом.

— А-а, ты... — хмурится мужчина, закатывая рукава на рубашке.

Мое сердце наполняется нежностью. Едва заглядываю в его родные до боли светло-синие глаза, вспоминаю все наши бурные ночи и все совместные ленивые завтраки.

— Я тебе звонила, но ты не отвечал, — улыбаюсь я, не решаясь сделать шаг.

— Привет. — Он делает это за меня. Приближается, сгребает меня в свои объятия. Трется колючей, едва начавшей пробиваться щетиной о мою щеку и тороп-

ливо тычется губами в губы. — А я даже не знаю, где мой телефон. Суета, сама понимаешь! Съёмки!

— Конечно, понимаю, — улыбаюсь я.

Мой взгляд падает на смартфон, лежащий на туалетном столике рядом с его часами и кошельком, но я решаю промолчать — мало ли, чего не бывает в такой суматохе.

— Ты... чего примчалась? — спрашивает Никита, выпуская меня из объятий.

— Мне нужно поговорить.

— Что? Машину мою разбила? — усмехается он.

Но едва заметное напряжение выдают его застывшие уголки губ.

— Ты же знаешь, я в офис езжу на своей, — напоминаю я.

«Никто не должен знать, что мы встречаемся».

— Да-да. А что тогда?

— Я... видела снимок в газете. — Произношу эти слова, и мое сердце сжимает тоска. — Ты обнимал ту девушку... Нелли.

— Ах, это. — Его губы искривляет раздраженная усмешка.

— Это правда? Между вами... что-то есть?

По моей спине пробегает холодок.

Никита делает два шага назад, берет со стула галстук и нервно прилаживает к воротнику.

— Очень похоже на допрос, — брезгливо говорит он.

Мне вдруг становится стыдно за то, что я потребовала объяснений. Я понимаю, что это неправильно и что имею право знать правду, но недовольный взгляд любимого мужчины, напряженное лицо заставляют меня съежиться и пожалеть о том, что набросилась на него с расспросами вот так — с порога.

-Доктор Красавчик -

— Мы с тобой живем вместе, — напоминаю я, делая шаг в его сторону. — Никит, я должна знать, честен ли ты со мной. Если это кадр со съемок, так и скажи. А если вы с ней встречаетесь...

— Да, мы встречаемся. — Дубровский расправляет плечи.

— Что?

У меня ноги слабеют от противной беспомощности. Унизительно слышать такое от мужчины, которым не могла надыхаться все то время, пока мы были вместе.

— Новая стратегия моей пиар-команды, — говорит он как-то обыденно и даже буднично, будто сообщает мне, что купил круассаны на завтрак. — Мы теперь встречаемся с Нелли. Для всех вокруг — мы пара. Мои имиджмейкеры считают, что это отличный ход для развития моей карьеры. Пока мы оба на пике, для нас это не только обмен аудиторией, но и возможность создать нехилый шум вокруг наших персон на ближайшую пару лет. Тайные встречи, робкие свидания, первое признание на людях, ссоры, примирения, расставания, воссоединение и прочее — все это шикарные информационные поводы на будущее.

— Н-никита, а как же я? — вырывается у меня.

Сердце клокочет где-то в горле, глаза обжигают слезы.

Я отказываюсь верить, что ему самому приятна мысль о том, чтобы изображать с кем-то любовь. Это же просто чей-то чужой текст, который он бездумно озвучил. Не может же он вот так легко поставить меня перед фактом, что для всего мира он теперь будет чужим женихом, а не моим?!

— А что ты? — улыбается Никита. Подходит, берет меня двумя пальцами за подбородок и притягивает к себе. — С тобой у нас все по-прежнему, детка.

- Лена Сокол -

— Но на людях ты собираешься целоваться с другой?! — вырываюсь я. — Я правильно поняла?

На его глаза опускается ледяная завеса. Дубровский меняется в лице.

— Слушай, — цедит он, бросая нервный взгляд на часы. — Препираться тут с тобой мне сейчас некогда, меня ждут на площадке. Если у тебя есть еще вопросы, обсудим их дома, ладно?

Он выдавливает подобие улыбки, берет со спинки стула пиджак и направляется к двери.

— Никита!

Дубровский оборачивается, и я понимаю, что не узнаю этого человека. Холодный, равнодушный, циничный. Кто это вообще?

— Что? — выдыхает он, явно давая мне понять, что я напрасно трачу его бесценное время.

— Я... беременна.

Мои руки дрожат, поэтому я сжимаю их в кулаки. Мне кажется, эти два важных слова должны волшебным образом все исправить, но этого почему-то не происходит.

— В смысле? — переспрашивает Никита.

Кажется, он не расслышал.

— Без смысла. — Пожимаю плечами. — Я беременна.

— Это шутка? — хмурится он.

Мне не нравится эта напряженная складка, залегшая меж его бровей.

— Я ношу под сердцем твоего ребенка, — объясняю я, настороженная его реакцией.

Мне хочется оставаться спокойной и уверенной, но голос меня подводит.

— Сделаем вид, что я не слышал этого. — Никита вдруг грубо хватает меня за локоть и подталкивает к двери. Мы выходим в тускло освещенный коридор с высокими потолками, и уже там он останавливается,

-Доктор Красавчик -

достаёт из кармана пиджака несколько купюр и суетливо вкладывает мне в руку. — Это на аборт.

— Ч-что? — Я смотрю на него с непониманием.

— Мне пора, — бросает Никита на ходу.

— Я не стану этого делать. Я не убью нашего ребенка! Как ты можешь такое говорить? — кричу я слишком громко.

Это заставляет его развернуться и снова подойти ко мне.

— Я не просил тебя об этом, Алиса, — цедит он сквозь зубы, опасаясь, что кто-то услышит. — *Я не просил тебя беременеть.* Мне это не нужно!

— А как же **мы**? Ты и я? — дрожа всем телом, спрашиваю я, хотя прекрасно понимаю, что никаких «мы» уже нет.

— Если ты хочешь, чтобы все было по-старому, избавься от него. Если не сделаешь этого, у нас все, поняла? — буквально выплевывает он мне в лицо.

Я широко распахиваю глаза. Кто этот нависающий надо мной мерзавец? Кто он? Я никогда не видела Никиту таким и не понимаю, как он мог скрывать свою личину все это время. От шока у меня кружится голова и трясутся поджилки.

— Значит, у нас все, — тихо произношу я.

— Вот и славно, — равнодушно кивает он. — Я пришлю кого-нибудь за ключами от квартиры.

-7-

Алиса

Мне трудно дышать.

Если вы не знали, как рушится мир, то это происходит именно так. Все, что казалось веч-

ным и незыблемым, в один миг превращается в ничто.

А была ли любовь? Или я ее сама себе придумала? Дорисовала необходимые детали реальности, а Никите мысленно прибавила недостающие черты. Все, во что я верила и чем жила, оказалось ложью, и он меня просто вышвырнул из своей жизни, как только на горизонте объявилась другая.

А может, это и не ее вина. Может, она станет следующей жертвой его бесчувственности? Точно так же поверит, влюбится, откроется ему, а потом...

Все это уже не мое дело.

Я еду по дороге и рыдаю в голос. Задыхаюсь, давясь собственными всхлипами, размазываю горячие слезы по лицу. В туманной слезной каше перед глазами мелькают огни встречных фар и кривая лента дорожного полотна. Мне просто не хочется больше жить.

Когда женщина узнает, что беременна, она понимает, что случилось чудо. И это маленькое чудо теперь внутри ее. Она ждет, что, услышав эту новость, избранник будет также восхищен и обрадован, как и она сама, что у него загорятся глаза и задрожат руки. От счастья. Но, к сожалению, иногда бывает по-другому. Бывает больно, дико, несправедливо, и кажется, что больше незачем жить.

«Па-ба-а-а-ап!» — сигналил грузовик, и этот низкий гулкий звон разрывает мое сознание пополам.

Я вздрагиваю, возвращаюсь к действительности и судорожно хватаюсь за руль. Машину бросает из стороны в сторону. С трудом выруливаю к обочине, оставившись и включаю аварийку.

Падаю на руль лицом и, сотрясаясь всем телом, кричу. Или вою. Или скулю. Звуки, которые покидают мое тело, больше похожи на беспомощный визг раненой собаки, попавшей под автобус. Мне хочется,

-Доктор Красавчик -

чтобы с ними покинула тело и душа, но это так не работает. Слезы и крики не приносят облегчения, они лишь опустошают.

— Девушка? Девушка! — Кто-то настойчиво стучит в окно.

А я вообще не понимаю, где я и что происходит.

Для меня все потеряло значение.

— Девушка! — Этот кто-то открывает дверцу и заглядывает в салон.

Я вбираю носом воздух и чувствую, как сильно жжет горло. Мой кашель теряется в булькающем звуке беспомощного всхлипа.

— Это оживленная трасса, здесь нельзя останавливаться. Вы создаете аварийную ситуацию, я прошу вас немедленно...

Его голос обрывается, едва я отнимаю голову от руля и поднимаю на него мутный взгляд.

— У вас все в порядке? — спрашивает озадаченный моим видом молоденький инспектор в форме.

— Да, — отвечаю я.

И двумя руками смахиваю слезы с лица.

Вижу черноту на пальцах: значит, тушь потекла. Наш журнал размещал рекламу этой туши на развороте в прошлом месяце, и она обещала волшебную суперстойкость. Опять обман. Чудес не бывает. От обиды накатывает новая волна слез, и мне приходится стиснуть зубы, чтобы сдержать ее.

— Вам нужна помощь? — интересуется он растерянно.

И в этот момент я понимаю, что мне нельзя раскидаться. И эта дикая боль, разрывающая грудь, вдруг придает мне сил. Надо жить. Надо держаться. Надо сделать это всем назло!

— Нет, уже все нормально. Я в порядке. Честно, — твержу я, громко всхлипывая и смахивая волосы

с лица. Светлые пряди липнут к щекам, но я отлепляю их и отбрасываю назад. — Все. Хорошо.

Размазываю остатки макияжа ладонями по лицу и пытаюсь криво улыбнуться.

— Точно? — поглядывает на меня с недоверием инспектор.

— Да, — энергично киваю я. — Просто ноготь сломался. Бывает, знаете ли.

И закусываю губы до боли.

— Хорошо. — Инспектор догадывается, что дело не в ногтях, но больше вопросов не задает. — Счастливого пути...

А когда дверца закрывается, мне нестерпимо хочется упасть на руль лицом и продолжить рыдать. Но я этого не делаю. Собираю силы в кулак и завожу мотор. Выезжаю на трассу ивливаюсь в поток автомобилей.

Моей решимости быть сильной хватает ровно до того момента, как я переступаю порог нашей с Никитой квартиры. Здесь повсюду его одежда, запах его парфюма, его сигареты на подоконнике. Паника накатывает с новой силой, но я вдруг останавливаюсь и понимаю, что у нас нет даже совместных фото на память, кроме тех, что остались на телефоне — нечетких, смазанных, сделанных буквально в темноте кинотеатра на ночном сеансе.

У нас никогда не было нормальных отношений.

Никогда.

Боже...

Мы выходили куда-то только под покровом ночи — чтобы его не узнали. Мы ездили отдыхать только в закрытые дома и отели — чтобы не одолевали фанаты. Мы снимали гостиницы на мое имя — чтобы никто не слил информацию о нем в Сеть. Никита даже не знакомил меня ни с кем из своих друзей. Почему? Да пото-

-Доктор Красавчик -

му, что стеснялся меня и не планировал ничего серьезного.

Кошмар.

И почему осознание приходит так поздно?

Я все это время была лишь уютным запасным аэродромом, на который можно было завалиться после съемок. Не нужно было напрягаться и соблазнять кого-то. Набрал номер Алисы, и вот рядом с тобой уже живая, готовая на все женщина. А с тех пор как я переехала к нему, еще и ужин, чистое белье, массаж, секс и теплая постель.

Очень удобно.

Я бросаюсь в спальню, выкатываю из-за двери свой чемодан, открываю и начинаю яростно кидать в него вещи.

Жаль, что не сохранила за собой прежнюю съемную квартиру, сейчас даже некуда идти. Можно попробовать найти место в гостинице, но чем платить, если меня скоро выпрут из журнала? К отцу точно не пойдут, но куда тогда? Завалиться к Кате? Или к Лесе? Она живет ближе.

Мои размышления прерывает звонок в дверь.

Никита?

Передумал, понял свою ошибку, помчался за мной, чтобы все исправить?

Сначала мне хочется броситься к двери, но затем я выдыхаю, расправляю плечи и направляюсь в коридор медленным шагом.

— Кто? — спрашиваю тихо.

— Андрей, — слышится с той стороны.

Я знаю этот голос. Андрей — охранник Никиты, часто сопровождает нас в различных поездках. Сдержанный, немногословный мужчина.

— Здравствуйте, — говорю я, приоткрывая дверь.

— Привет, — усмехается он, наваливаясь на косяк.

Раньше охранник не допускал в мою сторону ни подобных наглых взглядов, ни фамильярности.

— Что-то случилось? — интересуюсь я настороженно.

— Никита попросил меня забрать ключи от квартиры.

— Вот как... — запинаясь я. — Хорошо... Скажите, куда их завезти, я завезу их утром.

— Ты не поняла. — На его лице расцветает хамоватая улыбочка. — Я заберу их сейчас.

-8-

Алиса

Я гордо поднимаю голову:

— Сейчас?

— Да. — Мужчина бесцеремонно ставит носок туфли в дверной проем.

Да что он себе позволяет?!

— Эй!

Мое сердце замирает. Впервые в жизни мне становится по-настоящему страшно.

— Что такое? — смеется он.

— У меня есть полчаса? — спрашиваю я.

Мой голос дрожит.

Однажды я уже видела этот взгляд. Отец загулял и не встретил меня зимой после школы. Мне было тринадцать или четырнадцать. Две русых косы до талии, неказистое пальтишко, тонкие сапожки, неспособные защитить от мороза. Я ждала его то на улице, то заходила обратно в фойе школы, чтобы погреться.

-Доктор Красавчик -

Наконец отважилась и побрела в сторону дома одна по темным переулкам.

Помню, как завывал ветер, как кружил хлопья снега, бросая под ноги. У меня зуб на зуб не попадал, щеки больно щипало от мороза. А я все шла, не чувствуя ног, и про себя разговаривала с мамой – так, будто она была рядом со мной, будто подбадривала, уговаривала держаться.

До дома оставалось метров сто, когда длинная черная тень вдруг отделилась от фонарного столба и метнулась ко мне.

– Замерзла? – спросил незнакомец в надвинутой на лоб шапке.

Я молча смотрела на него снизу вверх во все глаза.

– Пойдем со мной, я тебя согрею, – сказал он и усмехнулся точно так же, как этот Андрей.

Быстро оглядевшись по сторонам, он схватил меня за воротник пальто и потащил в темноту. Я успела лишь беспомощно пискнуть, а затем он закрыл мне рот рукой. Втащил в какое-то затхлое место, подвал или подъезд, привалил к стене и стал щупать. Влез рукой под пальто, больно сдавил грудь, затем потянул за резинку брюк.

От него ужасно воняло табаком и перегаром. Это все, что я запомнила. Я почти сдалась, когда он стал торопливо стягивать с меня одежду. Заледенела изнутри и снаружи, чтобы не чувствовать того, что должно было неминуемо произойти дальше.

– Ты что, скотина, делаешь?! – заорала вдруг какая-то женщина.

Это была дворничиха. Кажется, она обрушила на его голову свою тяжелую метлу. В этот момент его хватка ослабла, я смогла вырваться, выбежала на ули-

цу и понеслась вперед, не различая дороги. Не помню, как добежала до дома.

Отец пришел ближе к десяти вечера.

Извинялся, что забыл обо мне. Плакал, когда узнал, что произошло. Кричал, звонил в полицию, требовал найти и наказать негодяя, но под приметы, которые я описала, подходил чуть ли не каждый мужчина нашего района. Папа корил себя за этот случай, долго просил у меня прощения, и я делала вид, что верю ему. Хотя знала: он предаст еще не раз. Просто такой человек. Ненадежный.

— Если хочешь, займемся чем-нибудь интересным, а сборы вещей отложишь до утра? — Андрей кладет руку на дверь.

К горлу подкатывает тошнота, в висках начинается пульсация — признаки подступающего приступа паники.

— Полчаса мне хватит, — улыбаюсь я. — Подожди меня... снаружи.

И, не дав ему опомниться, отталкиваю мужчину и захлопываю дверь.

— Эй! Открой! — Он ударяет по дверному полотну ладонью.

Но я уже поворачиваю задвижку.

— Я позвоню Никите, он тебя уволит! — зачем-то кричу я.

Из подъезда раздается смех.

— Ты больше не его подстилка! Какая тебе разница, с кем веселиться? Хочешь, я тебе заплачу?

Я закрываю рот рукой. Медленно сползаю вниз по стене.

Вот кем считали меня все его подчиненные — подстилкой. Не лучше обычной уличной девки. Вот кем я для них была.

-Доктор Красавчик -

Андрей еще пару раз ударяет в дверь, затем, выругавшись, уходит.

Наверное, устроится в машине и будет меня ждать.

Собрав остатки сил в кулак, я поднимаюсь и иду собирать вещи. Меня некому защитить. Я могла бы позвонить отцу, но не хочу. Ни слышать, ни видеть его просто нет никакого желания.

Застегнув чемодан, достаю телефон, открываю приложение и вызываю такси. Прошу таксиста подняться за мной в квартиру, обещаю за это хорошие чаевые. Через двадцать минут автомобиль уже на месте, а у моей двери появляется невысокий черноглазый мужчина с сильным южным акцентом.

— Я твой чемодан не носить, — предупреждает он.

— И не нужно. Я сама, — вздыхаю я, закрывая квартиру и подхватывая тяжелую поклажу.

Рядом с ним мне спокойнее.

Мы едем в лифте, затем проходим мимо консьержки, затем таксист любезно открывает мне двери. Я не сразу вспоминаю о том, что чемодан можно наклонить, поставить на колесики и катить — настолько я взвинчена. А когда хочу это сделать, передо мной вырастает фигура Андрея.

— Ключи, — говорит он.

Вкладывая связку в его потную ладонь и, подхватив чемодан, выхожу на улицу. Андрей хочет что-то сказать мне вдогонку, но, оглядев моего спутника, сдерживается.

Мы с таксистом проходим метров двадцать до машины. Я сама поднимаю свой багаж и запикиваю в машину — таксист не обязан мне помогать, на его лице ни тени беспокойства на этот счет. Когда я опускаюсь на заднее сиденье, у меня дрожат руки и неприятно потягивает низ живота.

— Куда? — бросает водитель, хлопая дверцей.

А действительно — куда? Я медленно вдыхаю, выдыхаю, затем называю Лесин адрес. К ней ближе всего. Она — моя подруга детства, мы видимся не так часто, как хотелось бы, но ей и Кате я доверяю больше всех в этой жизни.

Через тридцать минут мы уже у нужного дома. Я расплачиваюсь по двойному тарифу, выхожу, вытаскиваю тяжеленный чемодан и останавливаюсь у подъезда.

Ветер вздымает в воздух ворохи желтых листьев с деревьев, закручивает их вихрем, а затем опускает на головы прохожих. Они медленно падают, кружась в желтом свете фонарей, точно осколки новогодних конфетти — так загадочно и красиво, словно кто-то замедлил этот осенний кадр, чтобы можно было насладиться им дольше.

У меня в душе так пусто, что я даже не запахиваю плотнее плащ.

Я не мерзну. Стою и люблюсь этой красотой, стараясь запомнить момент навсегда. Запомнить это ощущение, когда все вокруг продолжает жить-дышать-сиять-золотиться, а ты словно мертв, но еще способен видеть и слышать. Но не чувствовать, и от этого почему-то так больно.

— Алиса? — замирает Леся.

Подруга не ожидала увидеть меня на пороге своей квартиры в такой час.

— Привет, — говорю я хрипло.

На ее лице читаются растерянность и неловкость, а затем, едва взгляд падает на чемодан, и беспокойство.

— Что случилось? — спрашивает она.

Вместо этого я вхожу и висну на ее шее. Мне надо бы разрыдаться, но сил уже нет. Я обнимаю ее и просто молчу.

Алиса

Какое-то время мы стоим в обнимку, затем Леся отстраняется, берет мое лицо в ладони и с нежностью заглядывает в глаза.

— Да что такое, Кукушкина?

Представляю это зрелище: мое лицо, покрытое черными разводами туши для ресниц, распухший нос, слезы в глазах.

— Меня Никита бросил, — признаюсь я.

— Ох... — Она сочувственно мотает головой, а затем снова сжимает меня в объятиях.

Я чувствую запах мяса, доносящийся с кухни, и слышу легкую музыку. Из колонок едва слышно льется джаз.

— Я тебе помешала? — спрашиваю я.

— Что? — Леся отпускает меня, затем затаскивает в квартиру мой чемодан и закрывает дверь. — Ничего подобного! Ты проходи, проходи...

Она кидает мимолетный взгляд на свои наручные часы, но я успеваю это заметить. Подруга кажется взволнованной.

— Ты ждешь кого-то?

— Нет, вовсе нет. — Леся улыбается. Ставит чемодан в прихожей и поворачивается ко мне. — Пойдем, там как раз мясо спелое.

— Просто не хочу мешать. У тебя, наверное, свидание? Давай позвоню Катюхе, она приедет и заберет меня?

— Боже, какое свидание, Алис? — Подруга тащит меня за собой в кухню, сажает на стул. — Лучше расскажи, что у тебя случилось? — Затем бросает взгляд на часы и делает музыку чуть громче. — Только подожди, я на секунду.

Она удаляется из кухни и, кажется, звонит кому-то. Слышны приглушенные обрывки фраз, из которых мне удастся различить разве что «не сегодня» и «я позвоню».

— Тебе пришлось отменить встречу из-за меня? — спрашиваю я, когда Леся возвращается.

— Да это не встреча. Так... — отмахивается подруга.

Ставит чайник, расставляет чашки на столе, достает из холодильника десерты. Суется, суется, словно боясь поднять на меня свой взгляд.

— Нашла себе кого-то? — интересуюсь я.

Мне хочется быть деликатной. Леся явно ждала в гости мужчину. Возможно, это важное свидание или он для нее кто-то особенный. А может, это уже не первая их встреча? Потому что подруга одета по-домашнему, а ее волосы не уложены.

— Просто знакомство по Интернету, — краснеет Леся.

— И ты на него запала? Он красивый?

Подруга ерзает на стуле:

— Он... славный.

— Прости, что испортила тебе вечер, — говорю я, накрывая ее ладонь своей рукой.

Она едва не подскакивает.

— Да что ты... Ты же моя подруга. — Лесе почему-то неловко. Наверное, расстроена, что пришлось отменить встречу. — Ой, что это я? — спохватывается она. — Забыла про мясо с овощами! Тебе положить?

— А знаешь что, — вымученно улыбаюсь я и встаю. — Давай-ка я сейчас умоюсь, вызову такси, а пока оно едет, выпью с тобой чаю. А потом уеду, ты позвонишь своему парню, и он придет. Ладно?

— Брось, Кукушкина! — Она усаживает меня обратно давлением ладоней на плечи. — Какие парни? Ну ты

-Доктор Красавчик -

что! Ты пришла ко мне заплаканная, с чемоданом, за окном уже почти ночь, куда же ты пойдешь?

— Но я...

— Ты мне не помешала, — заверяет Леся. — Этот парень... он... ничего особенного, короче! Таких еще миллион у меня будет, а подруга одна! — Она сжимает мою руку. — Давай лучше рассказывай, что стряслось? Ты ушла от Дубровского, да? Он тебя обидел? Расскажи.

Я тяну носом воздух. Такое ощущение, что, стоит мне произнести эти слова, мир расколется пополам.

Но через пару секунд я все же решаюсь:

— У Никиты роман с другой. Он бросил меня и выгнал из квартиры. Мне негде ночевать, а еще... я беременна.

— О... — застывает подруга в растерянности.

— Да.

Щелчок чайника заставляет ее вернуться в реальность. Леся поднимается из-за стола, заваривает мятный чай, неспешно разливает по чашкам и садится обратно. Все это — в тягостном молчании.

— Держи, — придвигает чашку ближе ко мне.

— Спасибо, — киваю я.

Обхватываю чашку замерзшими ладонями и чувствую приятное согревающее покальвание. От запаха мяты щекочет в носу: я так любила этот чай в детстве. Мама часто заваривала мяту, собранную в саду, и подавала к чаю пирожное-картошку.

— А теперь давай по порядку и в деталях, — просит Леся, подпирая рукой подбородок. — Как все случилось и что ты теперь собираешься делать?

В ее глазах сочувствие и поддержка.

Я рассказываю. Каждое слово режет язык и саднит горло. Мне почему-то жутко стыдно, что все закончи-

лось вот так. Стыдно, что я была такой дурой, а теперь оказалась в такой ситуации.

Мы говорим долго и неспешно, проходит час, а может, два или три. Наконец мне становится чуточку легче, и я предлагаю пойти лечь спать, ведь завтра к девяти нужно быть в офисе. Леся помогает мне расположиться, застилает постель, а затем идет в ванную.

— Иди, оставила тебе чистое полотенце на полке, — говорит она, возвращаясь.

— Спасибо. — Целую ее в щеку. — И спокойной ночи.

— Да не за что, — тепло улыбается Леся.

Я бреду в ванную, принимаю душ, вытираюсь, а затем, глядя в зеркало на свое измученное лицо, долго чищу зубы. Не знаю зачем, но рука сама дергает дверцу настенного шкафчика. Внутри я вижу стаканчик со щеткой и мужским бритвенным станком.

Лесины станок и щетка стоят на краю раковины, а тогда эти чьи? Выходит, она специально спрятала их от меня?

«Этот мужчина не должен был прийти к ней на свидание, — осеняет меня, — он уже живет с ней!»

Мне снова становится неловко. Значит, подруга попросила его сегодня не приходить. Из-за меня!

Ужас.

Нужно завтра же найти себе жилье.

Я выхожу из ванной. В коридоре темно и тихо. Пробираюсь к своей кровати и вдруг запинаясь обо что-то. Наклоняюсь: мужские тапки. «Эх, Леся-Леся!» Могла и рассказать мне. Я ведь твоя подруга. Я бы порадовалась за тебя.

Улыбаюсь.

Всему свое время.

Я рада, что хотя бы она счастлива.

Ложусь и закрываю глаза. Сон приходит не сразу.

— Привет!

Звонок отца застает меня на полпути в офис.

Я только перекинула все вещи в свою машину, завела двигатель и выехала на оживленное шоссе. Автомобиль чихает и дергается, явно сопротивляясь тому, чтобы я приехала на работу вовремя.

— Привет, пап, опаздываю в офис, у тебя что-то важное?

— Нет. — Его голос сипнет. — Просто... соскучился, ты давно не звонила. Хотел узнать, как твои дела?

Вот это да.

— Все нормально, — отвечаю я, лихорадочно пристегивая ремень. — Как всегда.

— Может, встретимся? Придешь? Или давай пообедаем сегодня вместе?

Движение на дороге достаточно интенсивное, мне нужно сосредоточиться, но разговор явно отвлекает и заставляет меня нервничать.

— Пап, я не знаю точно, чем буду заниматься в обед. — Бросаю раздраженно: — Давай лучше заеду на днях?

Лихорадочно перебираю в уме все причины, по которым он может звонить. Нужна помощь? Деньги? Отец неплохо зарабатывает. Может, собирается продать квартиру, доля в которой принадлежит мне? В чем же подвох?

— Я буду очень ждать.

— Ага, — бросаю я.

— У тебя точно все хорошо? — интересуется он.

— Точно, пап! Все, мне пора.

Убираю телефон в карман и оглядываю свое лицо в зеркало заднего вида. Круги под глазами не скрыл даже тональник, еще и губы потрескались. Достая помаду, добавляю губам увлажнения и цвета. Пара штрихов, и я снова утонченная деловая леди — одно из важных лиц модного журнала.

Через полчаса я уже в офисе.

— Как успехи, Кукушкина? — цокая каблучками по коридору, спрашивает Барракуда.

— Успехи? — Выглядываю из-за компьютера.

Здесь каждый мечтает выслужиться перед этой стервой, и лишь я одна постоянно фантазирую на тему того, как буду посылать ее далеко и надолго в день своего увольнения.

— Я про интервью! — напоминает она, недовольно изгибаая бровь. — Ладно, доложишь на летучке!

— Угу, — киваю я.

Вот, блин, задница.

Мне же придется теперь отказаться от этого интервью, передать его кому-то другому... Барракуда будет в бешенстве. Тем более у меня еще три материала висят, неготовые к сдаче...

— Вот отличный вариант, — толкает меня локтем Катя. — Пять минут от метро, квартира-студия. Окна в пол! Представляешь, как круто сидеть вечерами на полу, любоваться огнями мегаполиса и пить вино? Ой... — откашливается она. — Чего это я... Прости, сейчас поищем варианты с детской комнатой.

— Можно просто однокомнатные, мне еще месяцев семь-восемь жить одной. И хотелось бы, чтобы не так дорого, я даже не представляю, какие детские прикормы мне понадобятся и сколько они стоят.

-Доктор Красавчик -

— Настыка, сестра моя двоюродная, родила недавно, говорит, что коляска стоит как самолет! Ой... — Катя виновато морщится.

— Кать, — улыбаюсь я.

— Прости, — смеется она с виноватым видом. — Коляска с меня, ладно? Должна же теть Катя хоть чем-то помочь?

— Вот неплохая квартирка. — Я указываю на экран. — Немного дороже, чем я могу себе позволить, зато в хорошем районе и до офиса недалеко добираться.

Вспоминаю про чемодан, который лежит в багажнике. Про интервью, которое не состоится. Про работу, которую потеряю из-за этого. Черт, да, этот вариант мне явно не по карману.

— Мне нравится, — одобрительно кивает Катя, взглянув на экран. — Посмотрим ее сегодня?

— Не знаю. На нее уйдут все накопления, а что дальше? — Я наклоняюсь к подруге и перехожу на шепот: — Если я через три дня не сдам интервью, Акула Гадуковна вышвырнет меня из журнала! Я останусь совсем без денег!

— Беременных нельзя увольнять, — парирует подруга. — Скажешь ей, что ты в положении, и Кобра Скорпионовна оставит тебя на должности.

— Но никакого интервью не будет! Она мне этого не простит!

— Проблемки, девочки? — врывается в наш тихий междусобойчик своим приторным воркованием Владик.

— Не-е-ет! — дружно отвечаем мы.

Я быстро сворачиваю вкладку с квартирными объявлениями, но он, кажется, успевает мазнуть взглядом по экрану.

- Лена Сокол -

— Я же из лучших побуждений, — с ангельским видом складывает ручки на груди Владик. — Если у вас сложности, связанные с работой, могу помочь.

— Нет у нас никаких сложностей, — хмурюсь я.

— Ты иди, Владик, иди, — вежливо просит Катя.

— Аллочка приглашает всех в конференц-зал. — Он кивает в сторону коридора. — Вы идете?

— Да-да, идем, — переглядываемся мы.

Ну, вот. Момент истины. Обмануть Барракуду или вылететь из журнала прямо сегодня?

— Не опаздывайте, — улыбается Владик, удаляясь. — Она этого ужасно не любит. Аллочка ценит только дисциплинированных и ответственных...

— «Лижет ногу, лижет руку, лижет спину, лижет ни-и-иже. Как котенок кошку лижет»¹, — цедит сквозь зубы Катя, прожигая взглядом спину коллеги.

— Мне конец, — шепчу я.

— Ерунда, — подбадривает меня подруга.

Но уже через пять минут мы понимаем, что это далеко не ерунда.

— Ты уже договорилась, Кукушкина? Выбрали дату интервью? Сегодня-завтра? Есть идеи? План? — с ходу стала забрасывать меня вопросами Алла Денисовна. — Оформим красиво, в пятницу из Франции прилетает Давиди, наш гениальный фотограф, сделаем фотосет по высшему разряду, выбери локацию, согласуй с Дубровским. Я уже анонсировала этот материал начальству и коллегам, я...

Барракуда все говорит и говорит, а я только киваю в ответ, точно зомби. Задница, в которой я увязла, теперь кажется просто беспросветной.

¹ Катерина вольно цитирует фрагмент из стихотворения «Подлиза» Маяковского.

-Доктор Красавчик -

И сколько бы мы с Катей ни обсуждали этот вопрос, каждый раз приходим к единому мнению: нужно либо признаться шефине, либо организовать долбаное интервью, наступив на горло своей гордости.

Так проходит два дня. Единственное, что радует, — мне удастся снять понравившуюся квартиру. На нее уходят все мои сбережения, но оплаченные вперед три месяца проживания создают ощущение стабильности и безопасности.

— Да, Кать, здесь чудесно, — говорю я, останавливаясь на пороге.

— Посторонись! — Катюха втаскивает в мою новую квартиру мой чемодан. Ставит его у стены, поворачивается и оглядывает пустые стены. — Да... Зато вид из окна шикарный! — Она скидывает туфли, проходит к окну и опирается на подоконник. — И пусть окна не в пол, зато вид на парк. Очень красиво!

— Хорошо, что есть встроенный шкаф, нужно развесить одежду. — Я тоже стараюсь находить плюсы в новой ситуации. — Осталось только купить диван, да? И стол. И стул. И посуду...

— Ой, надувной матрас остался в багажнике! Сейчас принесу! — спохватывается Катя. — Давай ключи.

— Да я сама, — пытаюсь сопротивляться я.

— Тебе нельзя таскать тяжести, — мотает головой подруга.

Берет ключи, обувает туфли и выбегает из квартиры.

Она права. Сегодня днем так кольнуло в животе, что на минуту стало страшно. Мне в этом состоянии вообще все в новинку — не знаешь, чего ожидать. И вроде здоровая и красивая, стройная, а ощуща-

ешь себя то ли хрустальной вазой, то ли здоровенным пакетом с водой — как-то в целом вообще не уютно.

Даже не верится, что именно в этой квартире я проведу ближайшие месяцы и здесь впервые буду качать своего малыша.

— Тебе здесь нравится? — спрашиваю я, поглаживая еще плоский живот.

И мой голос разносится эхом от голых стен.

А через час мы с Катей уже вышагиваем по улице, отыскивая местечко, где бы поужинать. Аппетит у меня теперь по вечерам, если честно, богатырский — проглотила бы слона. Нет бы нам тихо и спокойно посидеть дома, заказать еды, но подруга настояла, что нужно прогуляться и подышать свежим воздухом, ведь это *полезно*. Чем будущей матери может быть полезен загазованный воздух мегаполиса, скажите?

— Значит, Леська нашла себе мужика? Ты уверена? — виснет на моей руке Катюха.

— Да, — смеюсь я. — У него бритва и тапки.

— Ну, раз та-а-а-пки, то точно мужик! — хохочет Катька.

А я вдруг останавливаюсь у витрины ресторана. Мое бедное сердце рвано дергается и замирает.

— Что? — хмурится подруга, но затем следует за моим взглядом и тоже застывает у окна.

Там, за стеклом, за дальним столиком мило беседуют Никита и певица Нелли. Они светятся точно так же, как светились мы с Дубровским на наших первых свиданиях. В моей голове за секунду проносятся все наши с ним счастливые моменты.

Черт... Иногда судьба дает нам счастье только взаимы и под слишком большие проценты.